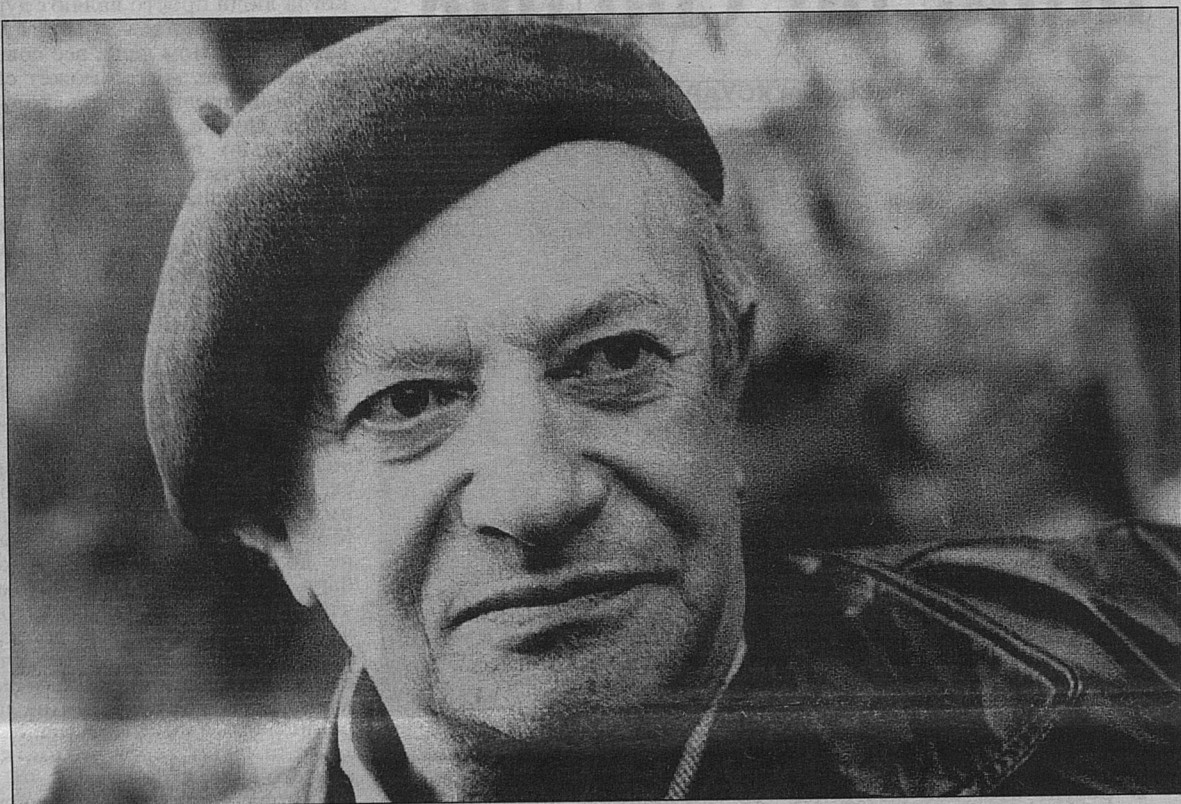




Автономия таланта

Д.И.Золотницкому — 85



Давид Иосифович Золотницкий — истинный петербуржец. «Он сдержан и корректен, он одарен методичностью, он скромно с достоинством, он уважает чужое мнение...». Слова Александра Бенуа, сказанные художником о любимом городе, удивительно подходят к портрету юбиляра, живущего в двух шагах от Невского, рядом с театром Комедии и Александринкой.

Давид Иосифович — замечательный историк театра, большая часть этой истории проходила у него на глазах, но и о тех явлениях, которые он не застал, он пишет так, как будто был их современником. Его книги, скажем, трилогия о «театральном Октябре», «Сергей Радлов. Режиссура судьбы» исчерпывающе заполняют лакуны в нашем театроведении, его «справочный аппарат», примечания, алфавитные указатели — редкий пример энциклопедического, всегда точного знания предмета. Он прекрасный редактор и рецензент (его имя в выходных данных — гарантия качества издания).

У Давида Иосифовича острое и остроумное перо. Жаль, что его дар фельетониста не смог реализоваться в советские времена. Помню его язвительную статью «Абрикосовый мармелад», кажется, в «Ленинградской правде», о спектакле Театра имени Ленинского Комсомола «Дни нашей жизни». Мармелад в пьесе Леонида Андреева, конечно же, был «абрикосовским», но об этом постановщик не имел ни малейшего представления, как и о других особенностях времени написания пьесы. В любом жанре Золотницкий был блестящ. В журнале «Театр», куда он часто писал, была рубрика «Актерские удачи». Небольшое эссе о том, как Владислав Стржельчик играл Грегори Соломона в «Цене» — блистательный пример как надобно писать в жанре портрета: «Стржельчика, совсем молодого тогда актера, прирожденно техничного, породистого, норовистого, Товстоногов ломал и объезжал, набрасывал на него лассо, изнурил постом и молитвой. Враз ушли времена, когда Стржельчик красовался кудрявым Лелем, или, склонив голову набок, следил за переливами своего голоса в «Девушке с кувшином». Вчерашний герой-любовник стал играть любовников-негодяев и ничтожествов... Актер здесь (в «Цене». — Ред.) несет мысль о поникшем достоинстве человека... Где былые бездумные порхания холеного, балованного премьера! Строжайший рисунок роли Грегори Соломона — разве не символический знак пролегающего расстояния?» («Театр», 1970, №2, с.136). В кабинете Д.И.Золотницкого рядом с окном примостился компьютер. Как всегда день начинается с работы. Кроме истории драматического театра, Давида Иосифовича всегда притягивали «Профили» эстрады, мюзик-холла, кабаре, театриков Буфф и прочих «братьев меньших». Здоровья Вам, душевных сил, вдохновения, дорогой Давид Иосифович! С днем рождения!

Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ

Редакция «ЭС» поздравляет нашего постоянного, нежно любимого автора и начинает публиковать фрагменты из новой книги Д.И.Золотницкого «Фарс — и что там еще?», подготовленной им на секторе театра петербургского РИИИ.

щего специалиста того же института, переименованного в Санкт-петербургский Российский институт истории искусств. И занимается все тем же. Тихо сидит себе, что бы ни происходило вокруг, склонившись над старой прессой — в библиотеках, в архивах, и мелко-мелко заполняет карточки, чтобы дома поставить их в соответствующую ячейку домашней картотеки, занимающей существенную часть жилплощади, а потом, когда их накопится достаточно, написать тома истории советского театра, опираясь на живые свидетельства современников и участников повседневного театрального процесса, особенно бурно кипевшего в 1920 годы. И на полки читателей, преодолевая все идеологические барьеры, вставляли его уникальные книги, оснащенные безупречным библиографическим аппаратом.

Собственно, тем же занимались и его близкие: Вера Михайловна Красовская, дочь Тая, Татьяна Давыдовна, недавно оставившие его одного, и его аспирантки, его и Веры Михайловны духовные дочери, как шутил Давид Иосифович. Все они проходили у него школу создания подлинной истории театра в стране, фальсифицировавшей свою общественную историю, будь то XIX век или XX.

А вечерами в их рабочей повседневности был живой современный драматический театр — Акимов, Товстоногов, позже — учеников Товстоногова, их актеров, крупных актеров Александринского театра; и театр балетный — Якобсона, Григоровича, потом Боярчикова, были спектакли, в которых танцевали ученицы Вагановой — от Дудинской и Шелест до Осипенко и Колпаковой и ученики Пономарева — Нуреев, Барышников... Звездная семья ученых — Вера Михайловна Красовская и Давид Иосифович Золотницкий — замечала и поддерживала тех художников-новаторов, кто с трудом выходил на зрителя революционной столицы страны и обвинялся в покушениях на бастионы социализма и драмбалета.

В последние годы вышли из печати его книги о Мейерхольде и Радлове, воспоминания и статьи о Райкине, Николае Симонове, Вере Поповой, Фрейдлихе, Грановской, о других актерах, режиссерах и театрах, кого незаслуженно обходила критика в их лучшие годы.

Пришлось доделывать, доводить до издания то, что не успели сделать Вера Михайловна и Тая.

И не случайно его новая книга, уже написанная и ждущая своего издателя, называется «Театр внутренней эмиграции». Его одолевает ностальгия по театрам и актерам, которые, как и он сам, сохраняли «автономию таланта» в тяжелейших условиях давления власти на художника, не вступая с ней, как Мейерхольд, в отношения «романа».

А его квартира в верхнем этаже старого дома на углу Садовой и Невского по-прежнему остается культурным центром северной российской столицы, и, вслед за хозяином, по крутой лестнице без лифта по ней карабкаются в поднебесье все те, кто стремится приобщиться к высоте и силе духа сегодняшнего юбиляра.

Примите сердечные поздравления, дорогой Давид Иосифович!

Всегда Ваша
Галина БРОДСКАЯ

Золотницкий Добуд —

№ 33-34 (695-696), декабрь 2003 года